

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Долгополов Михаил Николаевич

Соискатель, Институт государства и права
Российской академии наук Россия, г. Москва
magisterobi-wan@mail.ru

PROBLEMS OF THE RUSSIAN WAY OF FORMATION OF INSTITUTE OF RESPONSIBILITY FOR THE UNFAIR CONDUCT OF NEGOTIATIONS

M. Dolgoplov

Summary. The experience of formation of pre-contractual liability in such European countries, as France and Germany is shortly reflected in the article. The approach of the British-American law of the elaboration of pre-contractual liability is also reflected. An analysis reveals cardinal distinctions in the methods of recognition of pre-contractual liability in Russia as compared to other countries. Actual problems of responsibility for the unfair conduct of negotiations, that quite often are registered in professional literature, are the direct consequences of problems in the Russian way of formation of the institute. At the moment Russian system is not ready to the adequate use of institute of the examined responsibility. Activation of work on structural scientific researches in this area will help to solve a number of problems.

Keywords: responsibility for unfair negotiations, comparison of legal regulations, problems of the institution of pre-contractual liability, history of the development of the institution of pre-contractual liability.

Аннотация. В статье кратко отражен опыт становления преддоговорной ответственности в таких европейских странах, как — Франции и Германии. Также приведен подход англо-американского права. Анализ показывает кардинальные различия в методах признания преддоговорной ответственности в России по сравнению с другими странами. Современные проблемы в конструкции ответственности за недобросовестное ведение переговоров, которые нередко отмечаются в профессиональной литературе, являются прямым следствием проблем в российском пути становления института. В настоящий момент российская система не готова к адекватному использованию института рассматриваемой ответственности. Активизация работы по конструктивным научным изысканиям в этой области поможет решить ряд проблем.

Ключевые слова: ответственность за недобросовестное ведение переговоров, сравнение правовых регулирований, проблемы института преддоговорной ответственности, история развития института преддоговорной ответственности.

Прежде чем перейти к обсуждению становления преддоговорной ответственности в России, целесообразно рассмотреть данную тему на примере нескольких других стран. Опыт иностранных государств поможет выявить ключевые проблемы в российской правовой системе.

Надо отметить, что идея преддоговорной ответственности в Германии зародилась еще в позапрошлом столетии [См.: 7]. Первоначально идею такой ответственности предложили в науке права, которая затем обрела жизнь на практике.

Эволюцию преддоговорной ответственности в Германии ёмко выразил Ян Шапп: «... учредитель Германского Гражданского Уложения не стал вносить в текст закона общую норму, регулируемую *culpa in contrahendo*. Отсюда судебная практика и наука разрабатывали институт ответственности ... ввиду долговременного применения этот институт был воспри-

нят общим правовым сознанием и приобрел характер обычного права. Наконец, в рамках реформы ... были кодифицированы существенные принципы ответственности из *culpa in contrahendo*» [13, с. 191].

Если обратиться к Французскому гражданскому кодексу, то в нём нет специальных или общих положений, которые позволяли бы привлекать недобросовестную сторону к ответственности в процессе ведения переговоров. При этом, если обратиться к французской практике, то видно, что недобросовестное поведение в ходе переговоров влечет обязанность возместить убытки, вызванные таким поведением.

Как указывает исследователь Пола Гиликер, ссылаясь на конкретные решения французских судов, добросовестность хоть и не распространяется в силу закона на преддоговорную стадию, однако, предполагается между договаривающимися сторонами, особенно в случаях, когда переговоры зашли далеко и, если

судом будет установлено нарушение добросовестного поведения, то последует взыскание убытков [17, с. 45–46]. При этом необходимо учитывать, что добросовестность — это принцип на основании которого осуществляется правосудие в Европейском союзе [См.: 2]. Свобода договора квалифицируется обязанностью действовать добросовестно, реализация стороной переговоров своих прав сдерживается необходимостью не причинить вред другим участникам [18, с. 241].

Механизм, позволяющий французским судам без наличия специальных норм привлекать виновную сторону к преддоговорной ответственности — конструкция генерального деликта. Для привлечения к ответственности по правилам генерального деликта, как отмечается французскими специалистами [20, с. 28–30; 17, с. 120–122; 18, с. 240], достаточно трёх оснований: вины, убытка и причинной связи. Отметим, что вина толкуется крайне широко — как поведение, не соответствующее поведению разумного человека.

Таким образом, судебная практика во Франции, по утверждению Пола Гиликера, демонстрирует желание вмешиваться в переговорный процесс. Суд, как правило, интересуется поведением сторон при проведении переговоров. Поэтому исход разбирательства в каждом конкретном случае зависит исключительно от обстоятельств данного дела [17, с. 123–126].

Французский метод становления преддоговорной ответственности представляет значительный научно-практический интерес. Ответственность применяется благодаря развитию французской юридической науки (ещё в начале прошлого столетия исследователи вслед за коллегами из Германии стали обсуждать проблематику) и судебной практики, которая, опираясь на доктринальные исследования и заключения, начала применять и вырабатывать правила института ответственности за недобросовестное ведение переговоров.

В английском прецедентном праве, хрестоматийным делом является *Walford v. Miles*, при рассмотрении которого лорд Акнер поделился своим мнением по существу конструкции ответственности из переговоров о заключении договоров: «Как могут ожидать от суда такого субъективного решения как существование достаточной причины для отказа от переговоров? Ответ подразумевает зависимость от добросовестности проведения переговоров. Однако концепция добросовестного ведения переговоров по своей природе не совместима с состязательным характером сторон, вовлечённых в переговоры ... Обязанность добросовестного ведения переговоров, как неработоспособна с практической точки зрения, так и, по сути, не согласуется с положением договаривающихся сторон» [22].

Применительно к английскому праву П. Гиликер показывает, что суды признают необходимость вмешательства на переговорном этапе, балансируя между свободой договора и интересами правосудия, особенно, когда истец заслуживает получить возмещение [См.: 17].

Ограниченный круг оснований ответственности за недобросовестное ведение переговоров не мешает заключить, что имеющиеся формы защиты сторон переговоров разработаны не законодательными органами, а судебными, при активной поддержке юридической науки. Английские суды используют отдельные деликты для защиты интересов договаривающихся сторон. Несомненно, подход континентальной Европы в лучшей мере защищает участников переговорного процесса, но стремление создать регулирование преддоговорного этапа прослеживается и присутствует.

Возникает вопрос, насколько американское право отличается от английского? Как указывалось в литературе — добросовестность в переговорах имеет серьёзный конфликт с принципом, что при переговорах стороны ничем не обременены, хотя такой устой пытаются пошатнуть, представления о добросовестности и *culpa in contrahendo* уже привели к образованию концепций, защищающих стороны в переговорах — это эстоппель и подразумеваемый договор [19, с. 408].

Некоторые учёные отмечают, что обязанность добросовестного поведения может следовать из самого факта переговоров, но американские суды отказались воспринимать такой подход, даже в случае, когда создавалась видимость успеха в переговорах [16, с. 239]. Для защиты сторон переговоров предлагается пользоваться имеющимися деликтами или использовать предварительные соглашения.

В своём исследовании Sylviane Colombo указывает, что о добросовестности в законодательстве США говорится в статье 1–203 ЕТК и статье 205 Второго свода договорного права, но речь в них идёт о добросовестности при исполнении и принудительном осуществлении. В первоначальных редакциях актов предлагалось урегулировать добросовестность при проведении переговоров, но от этого отказались. Тем не менее, как указывает исследователь, некоторые опасаются, что существующая редакция кодифицированных актов позволит судам креативно подойти к вопросу о переговорах [15, с. 344].

Можно сделать заключение, что специальные деликты — основной метод защиты на преддоговорной стадии. Системе общего права нужно видеть не абстрактную возможность нарушения (добросовестность

не дает определения, что считать нарушением), а конкретное универсальное противоправное действие, за которое может следовать ответственность.

Таким образом, все приведенные системы объединяет важный знаменатель — преддоговорная ответственность пришла из юридической теории (науки) в практику, придала отношениям, вытекающим из переговоров о заключении договора, судебную защиту, законодательное закрепление специальных положений почти не проводилось.

В этом значительное отличие российской системы от других. Вопрос о необходимости в национальной системе права ответственности за недобросовестное ведение переговоров, начал бурно обсуждаться только вместе с идеей реформирования Гражданского кодекса РФ, с момента подготовки и выхода в свет Концепции развития гражданского законодательства.

До октябрьской революции 1917 года, то есть, более века назад, учёные из императорской России обратили внимание на обсуждаемые на западе новые идеи, в частности, на идею преддоговорной ответственности. Наиболее значимое заключение сделал правовед А.С. Гиршбандт: «... мы полагаем, однако, что в основу теории преддоговорной ответственности должно лечь общее начало справедливости, в силу коего никто не вправе прерывать начатые с договаривающейся стороной переговоры, если к этому не побуждали его соображения экономического свойства» [3, с. 2293]. Далее автор высказывает мысль, опередившую века: «При заметной тенденции новейших законодательств всех культурных стран к искоренению гражданской неправды, мы полагаем, что теория эта завоюет себе право гражданства как в науке, так и в жизни» [3, с. 2293]. К переговорам и ответственности обращались и другие дореволюционные цивилисты, так В.И. Синайский предложил одобрить преддоговорную ответственность за перерыв переговоров [11, с. 27].

Напротив, К. Анненков, автор значительных трудов в области гражданского права, писал, что совершенно правильным следует считать взгляды П.П. Цитовича и Г.Ф. Шершеневича, которые не признают никакого значения за преддоговорными переговорами, поскольку переговоры не могут считаться обязательствами, в них нет соглашения сторон [1, с. 14]. Этот же исследователь указывает, что в случае, если предложение отозвано уже после получения уведомления о принятии, то сторона может и должна ответить за убытки, так как *culpa in contrahendo* образуется [1, с. 18].

Дальнейшая дискуссия была прервана революцией. Советской плановой экономики идея ответственности

за недобросовестное ведение переговоров не требовалась, ввиду отсутствия частной собственности на средства производства, рыночной экономики и переговоров о заключении договоров.

В 1991 году учёный А.С. Комаров предпринял попытку возобновить дискуссию, он поставил вопрос о праве требовать возмещения убытков, например, если участник переговоров откажется от них в нарушении принятых стандартов делового оборота [8, с. 46]. Если ознакомиться подробнее с текстом уважаемого А.С. Комарова, то можно обнаружить, что профессор сразу увидел и обратил внимание на характер возникновения конструкции исследуемой ответственности как на «результат творческого развития права судебной практикой и доктриной» [8, с. 48].

Предложенные А.С. Комаровым вопросы не нашли отклика на страницах российской юридической литературы. Преддоговорная ответственность до начала обсуждения реформирования гражданского законодательства была практически без внимания. Исключение составили работы Овчинниковой К.Д., Полякевич В.Г., Гницевича К.В.

Таким образом, напрашивается следующий вывод — по уровню национального развития научной категории ответственности за недобросовестное ведение переговоров (на момент издания Концепции развития гражданского законодательства) мы недалеко отошли от наших дореволюционных коллег. Фактически дискуссии о преддоговорной ответственности, ее целесообразности, актуальности и готовности практики с ней работать — не проводились. Также не рассматривали вопрос о месте преддоговорной ответственности в системе правового регулирования, не обсуждали основания, выделяющие (или нет) эту ответственность из ряда известных видов гражданско-правовой ответственности. Не приняли во внимание и расслоение в юриспруденции между наукой и практикой.

В 2015 году, в ходе реформы, в Гражданский кодекс РФ была внесена статья 434.1 «Переговоры о заключении договора», в которой была законодательно закреплена ответственность за недобросовестное ведение переговоров о заключении договоров.

Следовательно, национальный путь становления конструкции преддоговорной ответственности кардинально отличается от заграничных правовых порядков. Для иностранных систем характерно установление преддоговорной ответственности сначала судебными органами, при готовности практики воспринимать конструкцию, основываясь на глубоких исследованиях правоведов, а только после выработки оптимальных

условий — закрепление общих наработок в законодательстве. Подобный подход предлагается именовать научно-ориентированным. Судебное нормотворчество для иностранных судов стало возможным, благодаря признанной законом или самой практикой, общей обязанности добросовестного поведения и генеральному деликту, а в странах, где последний отсутствует, применяли договорную ответственность. Страны общего права последовали за романо-германской семьёй в выборе способа, но своими методами.

Если проанализировать развитие гражданского законодательства и практики, то предпосылки последовать научно-ориентированному подходу были на протяжении ряда лет. После принятия первого пакета поправок в Гражданский кодекс РФ, которыми принцип добросовестности был закреплён в числе основных начал гражданского законодательства, статья о злоупотреблении правом приобрела активную форму защиты. Этих нововведений, в совокупности с главой 59 ГК РФ и положениями Концепции развития гражданского законодательства РФ, из которой следовало, что национальная система созрела для ответственности за недобросовестное ведение переговоров, должно было хватить для начала формирования российского института такой ответственности. Но российская практика никак не отреагировала на первые поправки в кодекс.

Можно заключить, что и до внесения первого пакета поправок у правоприменителей были все возможности начать продвижение рассматриваемой ответственности. Принцип добросовестности уже был выработан судебно-арбитражной практикой [5], оставался шаг — признать за переговорами статус взаимоотношения, порождающего права и обязанности (термин правоотношение не употреблён в данном случае намеренно, поскольку, нет уверенности в том, что переговоры о заключении договора это правоотношение, этот вопрос ещё требует осмысления). Сложилась необъяснимая картина, российские суды активно занимаются нормотворчеством, когда необходимо корректировать уже принятые законодательные акты, нередко кардинально изменяя регулирование, но невидимая стена отделяет от шага на встречу непоименованному в законе явлению. В.Г. Полякевич ещё в 2007 году пришла к выводу, что в России есть все предпосылки по разрешению преддоговорных споров и развитию преддоговорной ответственности [10, с. 67].

Изучение российского пути становления преддоговорной ответственности, сравнение его с другими странами, обнажает ряд проблем. Преддоговорная ответственность повсеместно возникала как ответ на потребности экономического оборота и общества. Тот

факт, что отечественное правоприменение не последовало западному пути, означает, по нашему мнению, отсутствие в российском правовом поле потребности в урегулировании переговорного этапа заключения договора.

Поэтому, введение в 2015 году статьи 434.1 в Гражданский кодекс РФ было преждевременно. Следовало предоставить научному сообществу возможность сформировать теорию ответственности, выявить ее подводные камни и пути инкорпорации, для последующего предложения готовых моделей ответственности.

Пагубность выбранного пути становления показывает имеющаяся в настоящий момент малозначительная и противоречивая судебная практика. Сейчас конструкция рассматриваемой ответственности зажата в тисках между принципом свободы договора и узко-формальным подходом судов к вопросу об убытках, что часто влечет ссылки на недоказанность размера последних и причинной связи. Российские суды не поспевают за актуальными разработками в области науки права. А преддоговорная ответственность тесно взаимосвязана с наукой. Все научные разработки окажутся бессмысленными, если они не окажут влияние на правоприменительную практику. Судебно-арбитражная система России, в её нынешнем виде — это одна из проблем на пути становления института преддоговорной ответственности. Мы убеждены, что, если не разгрузить суды, правомочные разбирать экономические споры, от банальных дел, где суд выступает инструментом легитимации заявленных требований, от дел где нет спора, то на рассмотрение требований о преддоговорной ответственности не останется времени или процесс разбирательства будет длиться долгие годы. Конструкция ответственности требует от участников процесса и суда полностью восстановить ход переговоров, дать квалификацию каждому заявлению, действию, документу. Потребность провести реформу присутствует, а вот имеется ли возможность и желание уполномоченных органов, это уже вопрос вне юриспруденции. В качестве одного из вариантов, предлагаем изменить сложившуюся парадигму — судиться должно стать невыгодно ответчику как *de jure*, так и *de facto*.

Встречаются мнения, в том числе уважаемых представителей юридического сообщества, об оправданности и необходимости введения нормы ответственности за недобросовестное ведение переговоров [6; 14, с. 50; 12, с. 34; 9, с. 305]. М.А. Егорова, одобряя нововведение в кодекс, отмечает внутреннюю противоречивость законоположений, полагая, что коррективы нормы о рассматриваемой ответственности будут проведены быстро, при поддержке доктрины [6].

Думается, что значительная часть юристов придерживается именно такого подхода. Его можно кратко изложить так: давайте примем и посмотрим, что получится, обсудим, а потом внесём изменения по необходимости. Поэтому вывод М.А. Егоровой кажется противоречивым и ошибочным, ведь признавая факт наличия серьёзных проблем в конструкции, она все же поддерживает закрепление неоднозначного института в законе, которым будут руководствоваться хозяйствующие субъекты при осуществлении коммерческой деятельности, а также суды при рассмотрении споров между этими субъектами.

Статья М.А. Егоровой, на которую дана ссылка выше, опубликована в 2015 году. В 2020 году Верховный суд РФ указал, что при проведении притворных переговоров, когда одна из сторон не имеет действительно намерения заключать договор, требуется оценить создавались или поддерживались у контрагента ложные представления о готовности в будущем заключить договор [21, п. 30]. Судом выработано правило для одного основания преддоговорной ответственности. И выработано оно спустя 5 лет после внесения в кодекс соответствующих положений об ответственности и после выхода в свет статьи М.А. Егоровой, что означает — коррективы ответственности будут проведены далеко не быстро.

Позитивистское мировоззрение в современных условиях развития гражданского и коммерческого права это одна из проблем российского правопорядка в целом.

Детально преддоговорная ответственность нигде не урегулирована, поэтому искать специфические особенности практического применения необходимо не в законодательствах стран, закрепивших ее, и не только в работах учёных теоретиков, а в практике, рассматривая конкретные спорные ситуации, проблемы, с которыми столкнулись суды и выработанные ими методы решения.

Национальный законодатель фактически скопировал нормы о преддоговорной ответственности из международных актов, если обратить внимание на ст. 6 секции 1 раздела 2 Кодекса европейского договорного права и на ст. 2.15 и 2.16 Принципов УНИДРУА. При сравнении норм международной унификации и статьи 434.1 ГК РФ не вооружённым взглядом обнаруживается сходство до степени смешения. Российский путь можно назвать легистским или нормативно-ориентированным. О том, что Россия ещё только собирается пойти своим, отличным от общепринятого путём по установлению преддоговорной ответственности, было отражено нами в статье за 2 года до принятия ст. 434.1 ГК РФ [5, с. 140].

Из чего следует следующая проблема российского пути становления института ответственности за недобросовестное ведение переговоров — желание законодательной и исполнительной властей придать российской нормативной базе современный и прогрессивный вид. При этом они забывают, что законодательство, нормативные акты не всегда отражают реальную и актуальную картину гражданского оборота и складываемых отношений. Закрепить норму не означает, что она будет применяться. Практика положений об обществах с дополнительной ответственностью служит наглядным примером выдвинутого тезиса.

Таким образом, мы приходим к выводу: российский путь становления правового регулирования преддоговорной ответственности прямо противоположен общемировому пути. Мы установили специальную норму о переговорах (ст. 434.1 ГК РФ) при отсутствии должного уровня научного познания и практики, которые могли разработать модель приемлемую для нашего правового пространства, проработав все острые и подводные моменты не на «живых» субъектах права, а на «кошках», на страницах научных работ.

Из вышесказанного вытекает следующий вывод — российское правовая система не готова к внедрению института преддоговорной ответственности, в результате нерешённых проблем на пути становления института. Проблемы становления породили неоднозначность в практике применения ответственности за недобросовестное ведение переговоров. Это не значит, что надо сворачивать работу по развитию института. Наоборот — это призыв к действиям, её следует активизировать. Когда преддоговорная ответственность станет понятной представителям научного сообщества, которые донесут её гражданскому обществу и правоприменителям, тогда мы преодолеем несколько из приведённых проблем.

Чтобы оставаться в рамках принятого (позитивистского) подхода, пользуясь модным понятием «импортозамещение», можно предложить закрепление в законодательстве специальных правил о преддоговорной ответственности. Для чего потребуется из статьи 434.1 ГК РФ исключить пункты 2 и 3 и включить в Гражданский кодекс РФ главу 59.1 «Обязательства вследствие недобросовестного ведения переговоров», состоящую из статей:

- ♦ закрепляющих обязанность добросовестного ведения переговоров;
- ♦ право свободы переговоров, с правом отказаться от них в любой момент без объяснения причин;
- ♦ определяемое значение термина переговоры, для целей настоящей главы;

- ◆ открытый перечень примеров недобросовестного поведения;
- ◆ понятие, размер и способ определения размера преддоговорного убытка;
- ◆ об анализе уровня вовлечённости сторон в переговоры с целью выяснить переговорную дистанцию;
- ◆ перечня исключений, когда, при каких условиях и между какими субъектами глава не применяется.
- ◆ о способе взыскания.

«Импортозамещением» данное предложение является от того, что нам не известно правопорядка, где бы была детально прописана преддоговорная ответственность. Ответственность станет не определённой, но определяемой по вполне чётким критериям и условиям. Такой подход позволит: придать российскому законодательству уникальность; избежать копирования положений из иностранных нормативных актов; сформировать единые и понятные для всех субъектов права основания ответственности и правила её применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков К. Система Русского гражданского права. Том 4. Отдельные обязательства. С.-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 1904.
2. Безбах В.В., Беликова К.М. Европейский суд правосудия: общая характеристика и значение принципов, закрепляемых им в области правового регулирования отношений в сфере гражданского и торгового оборота // Адвокат. 2012. № 2. С. 71–75.
3. Гиришбандт А.С. проблемы преддоговорной ответственности в современной цивилистике // Право, 1912, № 43.
4. Долгополов М.Н. От принципа добросовестности к ответственности за недобросовестное ведение переговоров // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. № 8 (16): сборник статей по материалам XVI международной заочной научно-практической конференции. М., Изд. «Международный центр науки и образования», 2013. С. 32–38.
5. Долгополов М.Н. Преддоговорная ответственность в реформируемом гражданском законодательстве // Инновации и инвестиции, 2013, № 6.
6. Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) // Право и экономика, 2015, № 12. С. 20–28 // СПС «Консультант плюс».
7. Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 190–266.
8. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М., Юр. лит. 1991.
9. Кузнецова А.В. Преддоговорная ответственность в коммерческом праве // Договоры коммерческого права. Проблемы общей теории торговых договоров: учебное пособие для вузов под редакцией В.А. Белова. М., Издательство Юрайт, 2020.
10. Полякевич В.Г. Ответственность за преддоговорные нарушения. Дисс. к. ю. н., М., 2007.
11. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II. Киев, 1915, Типография Р.К. Лубковского.
12. Тимофеева Д.Е., Вронская М.В. Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве // Юридическая наука, 2020, № 4.
13. Шапп Я. Система германского гражданского права. Международные отношения, М., Международные отношения, 2006.
14. Шварц Л.В. К вопросу о квалификации преддоговорной ответственности // Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2020, № 4.
15. Colombo S. The Present Differences between the Civil Law and Common Law Worlds with Regard to *Culpa in Contrahendo* // *Tilburg Foreign Law Review*, Vol. 2, 1993.
16. Fransworth A. Precontractual Liability and Preliminary Agreements Fair Dealing and Failed Negotiations. *Columbia Law review*, Vol. 87, 1987, № 2.
17. Giliker P. Pre-contractual Liability in English and French Law. *Kluwer Law Internayional*, 2002.
18. Good Faith in European Contract Law Edited by Reinhard Zimmermann and Simon Whittaker, Cambridge University Press, 200.
19. Kessler F.; Fine E. *Culpa in contrahendo*, bargaining in good faith, and freedom of contract. *Harvard Law Review*. Jan1964, Vol. 77 Issue 3.
20. Precontractual Liability in European Private Law ed. by J. Cartwright and M. Hesselink. Cambridge University Press, 2008.
21. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 1 (2020). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // СПС «Консультант Плюс».
22. *Martin Walford v Charles Miles* [1992] ADR.L.R. 01/23. Доступно на: <http://www.nadr.co.uk/articles/published/MediationLawReports/WALFORDvMILES1992.pdf> (дата обращения: 29.04.2021).

© Долгополов Михаил Николаевич (magisterobi-wan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»